ЧТО ТАКОЕ ГОСУД. ПРЕСТУПНИК

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

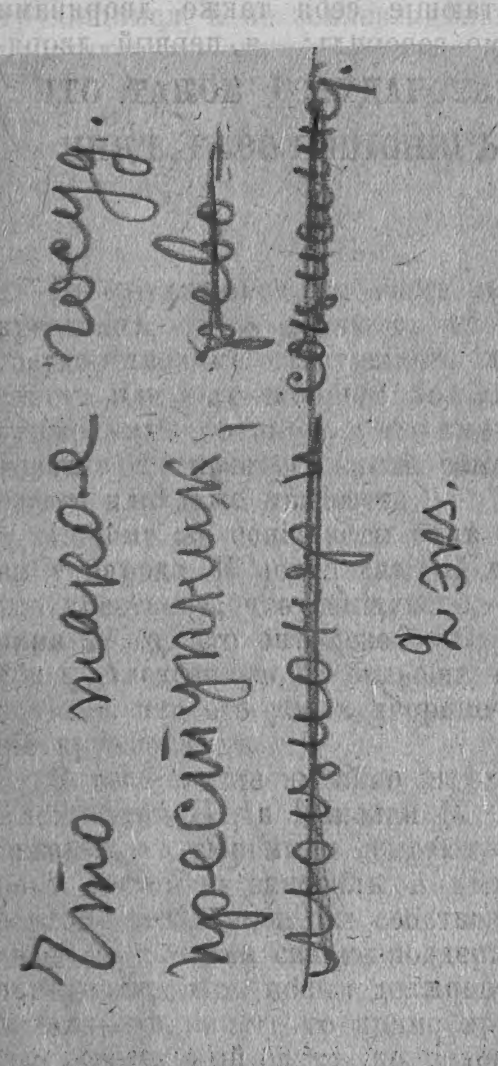
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Что такое государственный преступникъ, революціонеръ и соціалистъ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

ЖЕНЕВА.
Типографія „Союза". Genève, chemin de la Cluse, № 7.
1899

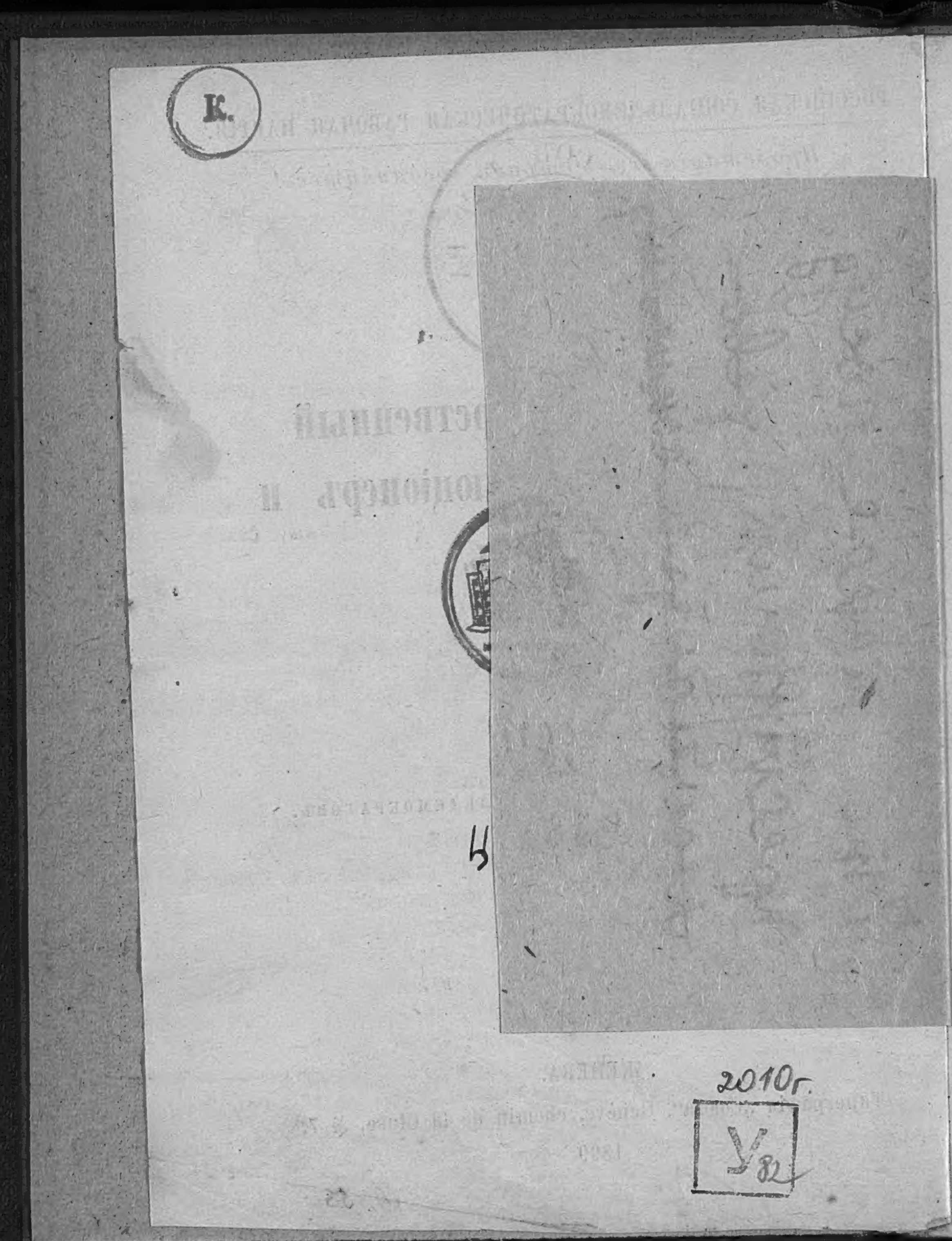
...ННЫЙ ПРЕСТУП-
...И СОЦІАЛИСТЪ.

...одѣ, особенно среди
...каждый соціалистъ и
...тѣлъ бы убить царя
...хъ чиновниковъ, при-
...о за это соціалистовъ
...тъ въ тюрьмы, ссы-

...ы на царя? спросите
...тъ скажетъ, особенно
...воряне: они злятся на
...крестьянъ. Когда былъ
...тъ крестьянъ такъ и
...злобѣ за освобожде-

...какъ думаетъ, хотя и
...прежнему хватаютъ,
...оціалистовъ, куда во-
...эти цари, какъ ужъ
...мъ словамъ,—друзья
...ваютъ дворянство: то
...для дворянъ (земскіе
...ваютъ ихъ долги въ
...ъ имѣній, то заку-
паютъ у нихъ хлѣбъ по хорошимъ цѣнамъ и т. д.

Нужно сказать, что вся эта „помощь дворянству“ была и при Александрѣ II, но народъ темный, вѣчно занятый трудомъ для куска хлѣба, зналъ одно: Александръ II-ой освободилъ крестьянъ отъ крѣпостного права.

К.
2010г.
У 82

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИКЪ, РЕВОЛЮЦІОНЕРЪ И СОЦІАЛИСТЪ.

Въ трудящемся рабочемъ народѣ, особенно среди крестьянъ, часто думаютъ, что каждый соціалистъ и государственный преступникъ хотѣлъ бы убить царя самого или кого-либо изъ большихъ чиновниковъ, приближенныхъ къ царю, и что именно за это соціалистовъ и считаютъ преступниками, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ или даже вѣшаютъ.

Почему же соціалисты такъ злы на царя? спросите вы у народа. И почти каждый вамъ скажетъ, особенно изъ крестьянъ, что соціалисты—дворяне: они злятся на царя за то, что онъ освободилъ крестьянъ. Когда былъ убитъ Александръ II, большая часть крестьянъ такъ и считала, что его убили дворяне по злобѣ за освобожденіе крѣпостныхъ.

И теперь еще не мало людей такъ думаетъ, хотя и Александръ III, и Николай II, по прежнему хватаютъ, сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ соціалистовъ, куда воронъ костей не заносилъ. А вѣдь эти цари, какъ ужъ всякому извѣстно по ихъ собственнымъ словамъ,—друзья дворянъ и всѣми силами поддерживаютъ дворянство: то они учреждаютъ новыя должности для дворянъ (земскіе начальники, напр.), то прямо прощаютъ ихъ долги въ государственный банкъ по залогамъ имѣній, то закупаютъ у нихъ хлѣбъ по хорошимъ цѣнамъ и т. д.

Нужно сказать, что вся эта „помощь дворянству“ была и при Александрѣ II, но народъ темный, вѣчно занятый трудомъ для куска хлѣба, зналъ одно: Александръ II-ой освободилъ крестьянъ отъ крѣпостного права.

Если соціалисты—дворяне и друзья дворянъ, то какъ же это всѣ цари, считающіе себя также дворянами (Николай I, напр., прямо говорилъ: „я первый дворянинъ въ Россіи") и всегда помогавшіе и охранявшіе дворянъ, наказываютъ друзей дворянства? Очевидно, въ понятіяхъ трудящагося народа о соціалистахъ есть большая неправильность. Вотъ, чтобы разсѣять ее, и необходимо почаще объяснять, въ чемъ дѣло: кто врагъ и кто другъ народа, что за люди соціалисты, чего они хотятъ и за что ихъ объявляютъ государственными преступниками и почему считаютъ революціонерами.

I.

Прежде всего нужно сказать, что можно быть государственнымъ преступникомъ—революціонеромъ, не будучи соціалистомъ. Всякій, кто не согласенъ съ нынѣшними государственными порядками и думаетъ, какъ бы ихъ измѣнить, есть ужъ преступникъ противъ государства въ *мысляхъ*. Когда онъ начинаетъ *проповѣдывать* необходимость и возможность измѣненія этихъ порядковъ—онъ (въ Россіи) считается преступникомъ *на дѣлѣ* и его уже могутъ наказать. А если онъ проповѣдуетъ измѣненіе государственнаго порядка *силой*, бунтомъ— онъ считается революціонеромъ, хотя бы онъ это измѣненіе силой откладывалъ на 100 лѣтъ впередъ (Въ законѣ такъ и сказано — „измѣненіе существующаго государственнаго и общественнаго порядка насильственнымъ путемъ въ болѣе или менѣе *отдаленномъ будущемъ*"). Только тотъ, кто желаетъ измѣнить теперешній порядокъ въ *интересахъ всего трудящагося народа* (гдѣ бы кто ни трудился: на фабрикѣ, на заводѣ или въ шахтѣ), только тотъ, кто требуетъ уничтоженія частной собственности на землю, фабрики, заводы, желѣзныя и пр. дороги, словомъ уничтоженія частной собственности на орудія производства, — тотъ называется *соціалистомъ*. Это слово по-русски можно перевести такъ: человѣкъ, который всѣ орудія производства желаетъ сдѣлать об-

щественными (соціальными), принадлежащими всѣмъ трудящимся, а не землевладѣльцамъ и капиталистамъ, работающимъ чужими наемными руками.

II.

Посмотрите теперь, кто у насъ на Руси были и есть теперь государственные преступники, революціонеры и соціалисты. Недовольные государственными порядками были почти всегда. Вспомнимъ крѣпостное право. Весь народъ былъ имъ недоволенъ! И что же? Весь народъ былъ объявленъ государственнымъ преступникомъ (когда я говорю „народъ", то всякому ясно, что я разумѣю лишь *трудящійся* народъ, а при крѣпостномъ правѣ— крѣпостныхъ крестьянъ). Помѣщикъ распоряжался не только имуществомъ, но и личностью крестьянъ: отдавалъ ихъ въ солдаты, продавалъ, разлучая дѣтей съ родителями, сажалъ въ тюрьмы, ссылалъ въ Сибирь. Не рѣдки случаи убійства крестьянъ. Въ то же время еще Екатерина Великая запретила крестьянамъ подавать прошенія на жестокихъ и несправедливыхъ помѣщиковъ. Виноватыхъ въ подачѣ такихъ прошеній царю били плетьми и ссылали въ Сибирь, хотя бы ихъ дѣло было и правымъ.

Такіе порядки велись вплоть до самого освобожденія крестьянъ, и вплоть до него всѣ крестьяне, недовольные помѣщиками, были по русскимъ царскимъ законамъ государственными преступниками; а когда они не выдерживали и сами расправлялись съ жестокими помѣщиками или не подчинялись желанію помѣщика, напр., переселить ихъ, куда онъ захочетъ,—всѣ такіе смѣльчаки объявлялись бунтовщиками, которыхъ усмиряли войсками—ружьями и пушками. Кто не знаетъ, не слыхалъ о бунтахъ Стеньки Разина и Емельяна Пугачева? То были первыя попытки стряхнуть крѣпостное право. И Разинъ и Пугачевъ хотѣли уничтожить дворянство и боярство и ввести всенародное—„казацкое", какъ тогда говорили,— управленіе: управленіе соб, аніемъ (сходомъ,

кругомъ) всѣхъ взрослыхъ жителей. И Разинъ, и Пугачевъ сложили головы въ Москвѣ подъ топоромъ палача. Такихъ всенародныхъ бунтовъ больше не было. Но мѣстные бунты не прекращались во все время крѣпостного права; особенно усилились они во время крымской войны и передъ ней, захватывая часто по нѣскольку губерній и десятки тысячъ крѣпостныхъ—„бунтовщиковъ“. Только когда объявили, что крестьяне будутъ освобождены, только съ этого момента временно затихли и народныя волненія.

Народъ бунтами добился того, что его стали бояться, стали прислушиваться къ тому, что говорятъ и думаютъ въ народѣ (тогда въ крестьянствѣ). Не будь этого, можно думать, что крестьяне долго еще тянули бы крѣпостную лямку, а затѣмъ не получили бы и тѣхъ клочковъ земли, которые имъ дали въ надѣлъ, хотя и за безобразно дорогую цѣну. Во время засѣданій объ освобожденіи и выкупѣ предсѣдатель совѣщаній (Редакціонной Коммиссіи), Л. Ростовцевъ, личный другъ Александръ II, то и дѣло говорилъ: „господа, я самъ дворянинъ, но, уменьшивъ еще надѣлъ, мы зажжемъ Россію со всѣхъ концовъ!“ Или когда не хотѣли совсѣмъ давать покосовъ, говорилъ: „это нельзя—это бунтъ!“

Только этимъ, только своими „бунтами“ крестьяне и присутствовали на совѣщаніи объ ихъ освобожденіи.

И когда рѣшали, какъ бы посильнѣе прижать освобождаемаго крестьянина, каждый разъ царь и его сторонники спрашивали себя: А что подумаетъ объ этомъ народъ? Проглотитъ это или упрется?.. Если упрется въ одномъ мѣстѣ—еще не бѣда, но если онъ встанетъ по всей Россіи—дѣло плохо!.. И смотря по тому, какъ имъ казалось, взбунтуется или нѣтъ народъ,—они или отдавали его съ головой помѣщику, или чѣмъ-нибудь прикрывали эту отдачу, или, наконецъ, когда боялись всеобщаго бунта, немного укорачивали дворянскія пожеланія ѣсть крестьянина по старому.

Такова исторія самыхъ многочисленныхъ государственныхъ преступниковъ въ Россіи вплоть до 1861 г.

Этими преступниками были всѣ крѣпостные, желавшіе свободы отъ власти помѣщика. А когда они бунтовали противъ этой власти, какъ при Разинѣ и Пугачевѣ, когда искали себѣ правъ и защиты, искали себѣ одинаковыхъ со всѣми законовъ—они были революціонерами. Сколько погибло этихъ государственныхъ преступниковъ въ борьбѣ за освобожденіе отъ крѣпостнаго права—теперь не сосчитать: для „подлыхъ“ людей (такъ называли тогда крѣпостныхъ крестьянъ) слишкомъ много чести, чтобы царское правительство тратило деньги на подчетъ числа убитыхъ, замученныхъ въ тюрьмахъ или сосланныхъ въ Сибирь. Довольно того, что оно, посылая солдатъ въ защиту помѣщиковъ противъ народа, расходовало свинецъ и порохъ на него...

Вважно то, что хотя и дорогой цѣной, но народъ не побоялся купить свободу отъ помѣщиковъ, боролся за свои права изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока, наконецъ, желаніе освободиться отъ крѣпостного права перестали считать государственнымъ преступленіемъ.

III.

Народъ освобожденъ. Такъ по крайней мѣрѣ думали тотчасъ послѣ объявленія воли, такъ думаютъ многіе и теперь. Освобожденъ! Но пересталъ-ли онъ быть государственнымъ преступникомъ въ глазахъ царскаго правительства? Доволенъ-ли онъ своимъ положеніемъ?— Нѣтъ: „на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много другихъ“...

Заглянемъ въ деревню, какъ живетъ освобожденный крестьянинъ?

Кто не знаетъ, что крестьянство рушится? Что крестьянинъ бросаетъ деревню и бѣжитъ или въ городъ, или переселяется въ Сибирь, на Кавказъ—гдѣ больше простору? Тотъ же крестьянинъ работаетъ на фабрикахъ, заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и проч. Почему же онъ бѣжитъ? Да потому, что дома въ деревнѣ не-

чѣмъ жить. Постоянные жители деревнѣ каждый годъ бродятъ („бродячая Русь“) по Россіи, то въ качествѣ плотниковъ, каменьщиковъ и проч., а то какъ земледельческіе рабочіе. Но эти уходы на сторону не спасаютъ хозяйства—заработки годъ отъ отъ году становятся меньше, крестьянское хозяйство падаетъ. Могло ли быть по другому? Могло-ли крестьянское хозяйство не разориться? Посмотримъ.

При освобожденіи крестьянамъ земли дали въ обрѣзъ и, чѣмъ она лучше, тѣмъ меньше. Лѣса почти всѣ были отняты помѣщиками. Луговъ нарѣзали столько, что скотъ стало нечѣмъ кормить въ первые же годы послѣ освобожденія. Приходилось арендовать угодья у того же помѣщика, отъ котораго освободились, и арендовать ихъ часто за отработки и по дорогой цѣнѣ, такъ какъ денегъ не было и нѣтъ, а нужда въ лугухъ и выпасахъ большая. Земля была оцѣнена для выкупа такъ дорого, что даже въ 1886 году эта оцѣнка не вездѣ сравнялась съ банковской, а нерѣдко превышала ее въ 2 и даже 3 раза. Словомъ, земля не окупала себя: чтобы проплатить за нее выкупы, приходилось много хлѣба продавать, да и того нерѣдко не хватало на одну эту уплату; а пашня должна не только окупать платежи, но и семью кормить. Начали распахивать луга и выпасы, а отъ этого убавилось корму для скота, уменьшилось число самого скота, мало стало навозу для удобренія; выпахалась земля, уменьшился урожай.... Одно цѣплялось за другое, и не могло не цѣпляться, и неминуемо разоряло крестьянъ. Кому тяжело платить, бросилъ бы землю и шелъ въ городъ,—вѣдь теперь свободенъ. Не тутъ-то было. Платежи лежатъ на всемъ обществѣ, на „міру“, и всѣ отвѣчаютъ за каждаго. Но кому охота платить за землю, которая не окупаетъ себя. И вотъ „міръ“ требуетъ уплаты податей и не выдаетъ паспорта. Выходитъ, и „свободный“ крестьянинъ прикрѣпленъ къ землѣ, долженъ платить за ту землю, которой не хочетъ пользоваться, его *заставляютъ* покупать ненужную ему землю. И если на немъ накопятся недоимки, то онъ

отвѣчаетъ всѣмъ имуществомъ: у него продаютъ не только скотину, часто необходимую для хозяйства и семьи, но и платье, и самоваръ... Ломаютъ амбары, даже сѣни. А когда нечего продать, сажаютъ его въ кутузку, сѣкутъ... Какъ производятся самые сборы недоимокъ, достаточно опредѣляется однимъ словомъ: „выколачиваютъ". Что это дѣйствительно такъ, приходится убѣдиться на такихъ жестокихъ фактахъ, какіе доходятъ по временамъ до суда: то земскій начальникъ бьетъ рукопашнымъ боемъ на сходѣ (Протопоповъ), то по приказанію исправника (Пензенск. губ.) урядникъ на смерть забиваетъ недоимщика... „Міръ" можетъ его выпороть и по приговору волостного суда, и по приговору „старичковъ"; порютъ его и по приказанію станового, исправника или земскаго начальника (хотя эти господа и не имѣютъ права отдавать такихъ приказаній). Староста и старшина безъ всякаго суда имѣютъ право посадить его на 3 дня подъ арестъ, становой, исправникъ и земскій начальникъ—на 7 дней кряду (а не подрядъ—на сколько захотятъ), хотя бы это было въ самую горячую для работы пору... Удивительно-ли при такихъ условіяхъ, что прикрѣпленный къ землѣ бѣднякъ унижается еще и передъ кулакомъ крестьяниномъ же, за безцѣнокъ продаетъ ему свой трудъ и хлѣбъ, лишь бы тотъ „сдѣлалъ милость", „выручилъ его въ податяхъ"...

Таково положеніе свободнаго крестьянина. Несмотря на все рабское долготерпѣніе, не мало крестьянъ, взявшихъ паспорта одинъ разъ, остаются потомъ на сторонѣ „скитаться" бродягами, лишь бы не идти на „родимую сторону". Число такихъ крестьянъ годъ отъ году растетъ, ими полны пересылочныя тюрьмы, ночлежные дома и всякіе притоны для бѣдныхъ...

Положеніе „справнаго" крестьянина, конечно, лучше. Пока онъ платитъ исправно, ему не грозитъ порка и кутузка. Но и онъ долженъ „помнить свой шестокъ": Не во время поклонился земскому, не своротилъ съ дороги передъ исправникомъ, — хотя исправникъ ѣхалъ налегкѣ, а крестьянинъ съ возомъ, — поссорился со

старшиной изъ-за личныхъ или мірскихъ дѣлъ—за все грозитъ кутузка, мордобой или волостной судъ, всегда готовый исполнять приказанія „начальства".

Случись падежъ скота, градобитіе, недородъ, и нашъ „справный" крестьянинъ попалъ въ лапы къ кулаку, который ужъ позаботится не выпустить его, пока не высосетъ всего, что можно. Не хочешь къ кулаку, тебя сразу разоритъ начальство строгимъ взысканіемъ податей въ плохой тяжелый годъ и ты годомъ или двумя позже, а не минуешь тѣхъ же лапъ.

Поднимемся выше. Зажиточный, пусть даже богатый крестьянинъ попалъ въ старосты или старшины — выбирать такихъ велитъ начальство, ихъ же выбираютъ сами крестьяне: бѣдняку нельзя бросить хозяйство изъ-за сбора недоимокъ—онъ разорился бы въ конецъ.

Староста и старшина отвѣчаютъ за количество сбора. Иной по сердечной мягкости, иной потому, что съ недоимщика нечего взять, привозитъ въ казначейство въ назначенные сроки мало сборовъ. Строгое начальство сажаетъ въ кутузку, безъ удержу поминаетъ родителей старосты или старшины, а нерѣдко освѣдомляются насчетъ прочности ихъ зубовъ. Въ каждомъ уѣздномъ городишкѣ, почти въ любой мѣсяцъ, но особенно осенью, въ кутузкахъ при полиціи старосты и старшины поочередно сидятъ цѣлыми недѣлями за недостаточно усердное выколачиванье податей.

Вотъ самое завидное положеніе „свободнаго" крестьянина. Исключеніе составляютъ единицы, разжившіяся насчетъ разоренія сосѣдей. Съ этими становой и исправникъ въ дружбѣ. Ихъ выбираютъ (приказываютъ выбирать) въ „гласные". Но вѣдь это не крестьяне. Ихъ хозяйство ведется наемнымъ трудомъ или все сдается въ аренду. Это землевладѣльцы-капиталисты, принадлежащіе къ крестьянству по одному рожденію...

Нужно-ли говорить о крестьянскомъ самоуправленіи, которое находится подъ пятой любого полицейскаго чина, начиная съ урядника?..

Таково положеніе нашей деревни. Самое вѣрное

названіе такого положенія — „лишенные правъ". Однако, лишенными правъ оказываются $^9/_{10}$ населенія въ Россіи — вся трудящаяся масса въ городѣ и деревнѣ.

Довольны-ли крестьяне своимъ положеніемъ? Конечно, нѣтъ. Иначе не бѣжали бы въ Сибирь. Но случается, что и у себя въ деревнѣ они неохотно даютъ разорять себя и прогоняютъ сборщиковъ, когда тѣ силой уводятъ скотъ за недоимки. Въ такомъ случаѣ является войско и начинается усмиреніе. „Зачинщики" — не исправники и становые, какъ бы слѣдовало, а крестьяне, т. е. тѣ, кто сильнѣе защищалъ свои интересы и интересы сосѣдей, обреченныхъ на разореніе, — подвергаются суду, сидятъ по тюрьмамъ, ссылаются; остальные — нерѣдко сѣкуціи, сѣченію солдатами и полиціей.

За исключеніемъ шестой части (по статистическимъ изслѣдованіямъ такая часть крестьянъ можетъ считаться обезпеченной своимъ хозяйствомъ), все остальное крестьянство перебивается изъ года въ годъ, все болѣе и болѣе разоряясь. Оно недовольно, хочетъ переселиться, но не тутъ-то было — переселяться имѣютъ право тѣ, кому разрѣшитъ начальство — земскій. А онъ соображается — хватитъ-ли рабочихъ рукъ ему и его знакомымъ землевладѣльцамъ на уборку ихъ хозяйствъ по дешевымъ цѣнамъ. Хватитъ — отпуститъ больше (конечно, тѣхъ, кто состоятельнѣе), мало — запретитъ переселенія. И вотъ „свободные" крестьяне тайкомъ, цѣлыми деревнями, покинувъ женъ и дѣтей, „бѣгутъ" въ Сибирь или по паспортамъ на заработки, или безъ всякаго вида, въ надеждѣ выписать потомъ и семью...

Все крестьянство объявлено подозрительнымъ, опаснымъ для государственнаго спокойствія и потому состоитъ подъ усиленнымъ надзоромъ полиціи, отдано во власть дворянству въ лицѣ земскихъ начальниковъ, исправниковъ и губернаторовъ. Вина его состоитъ въ томъ, что оно крестьянство. И чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ оно виноватѣе передъ царскимъ правительствомъ. Когда же крестьянство противится разоренію, насиліямъ и про-

произволу властей, то ихъ объявляютъ внѣ закона, бунтовщиками и разоряютъ при помощи военной силы, какъ непріятеля, сажаютъ въ тюрьмы, какъ тяжкихъ государственныхъ преступниковъ.

Я не упомянулъ еще, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянъ хватаютъ на базарахъ при продажѣ ими хлѣба, дровъ и проч., уводятъ въ полицію, насильно отбираютъ всѣ деньги, какія найдутъ при нихъ; отсылаютъ потомъ и деньги, и крестьянъ въ волость,— тамъ изъ денегъ вычитаютъ недоимку, остальныя возвращаютъ: это уже прямо грабежъ. Что происходитъ въ полиціи при отбираніи денегъ — тяжело описывать. Если человѣкъ самъ не отдаетъ всего до копѣйки, или только входитъ въ разговоръ—его двое берутъ за руки и держатъ, а третій шаритъ по карманамъ. При малѣйшемъ сопротивленіи начинаются жестокіе побои. Арестанты въ тюрьмахъ большихъ городовъ не дозволяютъ обращаться съ собой такъ, какъ обращается полиція съ „свободными" крестьянами, особенно недоимщиками.

IV.

Пойдемъ въ городъ. Платье бѣдняка, рабочаго, всегда развязываетъ руки любому полицейскому. Площадная брань не считается оскорбительной не только по отношенію къ бѣдняку - мужчинѣ, но и женщинѣ. Богатый и бѣдный, „чистый" и рабочій человѣкъ—два разныхъ слоя съ совершенно различными правами въ глазахъ не только полиціи, но и всякаго чиновника и начальства. Въ полиціи, судѣ, въ городской или мѣщанской управѣ, даже въ церкви—вездѣ одному честь и мѣсто, съ нимъ деликатное обращеніе, а по отношенію къ другому—грубый окрикъ, унизительное стояніе въ передней, обращеніе на ты, а нерѣдко и толчки важныхъ привратниковъ и полиціи.

Бѣднякъ и рабочій вездѣ отдѣленъ въ особый классъ людей безправныхъ; это „лишенные правъ" жители го-

родовъ, какъ крестьяне,—„лишенные правъ“ жители деревень и уѣздовъ.

Можно думать, что это только *злоупотребленія* полиціи и чиновниковъ... Напрасно! Высочайшимъ указомъ и министерскимъ циркуляромъ дѣти бѣдняковъ, ремесленниковъ и рабочихъ не допускаются въ гимназіи. Не только теперь, но и на будущее время насъ и нашихъ дѣтей хотятъ держать въ положеніи поднадзорныхъ людей. По закону не только попасть въ „гласные“, но и выбирать этихъ гласныхъ въ городскую думу могутъ только люди богатые, а бѣднякъ обязанъ подчиняться рѣшеніямъ этой „думы“ богачей и платитъ деньги, которыми думцы безотчетно распоряжаются. По закону выборщики не имѣютъ даже права требовать отчета у думцевъ. $^{9}/_{10}$ горожанъ обязаны платить деньги и лишены права собраться для того, чтобы поговорить и сообща обсудить свои нужды и хотя бы въ видѣ просьбы доложить о нихъ думѣ. „Граждане“ *подозрѣваются* въ преступныхъ замыслахъ противъ существующаго строя, а потому лишены правъ заботиться, слѣдить и обсуждать сообща не только общегосударственныя, но и свои городскія дѣла.

Пойдемъ на фабрику, заводъ.

Еще при крѣпостномъ правѣ, можно сказать, съ самого возникновенія на Руси фабрикъ и заводовъ прательство считало фабричныхъ рабочихъ опасными для государственнаго спокойствія, а Николай I огуломъ зачислилъ ихъ въ ряды политически-неблагонадежныхъ и государственныхъ преступниковъ.

Въ 1845 году правительство Николая Палкина издало противъ рабочихъ особый законъ, по которому „въ случаѣ явнаго неповиновенія фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему заводомъ (или фабрикой), оказаннаго цѣлой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ“. Этимъ недовольство рабочихъ противъ хозяевъ и фабричнаго начальства, борьба за лучшія

условія труда и жизни приравнивались къ государственному преступленію и наказывались тюрьмой, плетьми и ссылкой въ Сибирь.

Пали оковы крѣпостничества, а „свободный" рабочій по прежнему безправенъ, каждая попытка рабочихъ общими силами улучшить свое положеніе, каждая стачка разсматривается правительствомъ, какъ уголовное преступленіе, а тайные союзы и собранія—какъ государственныя преступленія; тѣ и другіе наказываются тюрьмой и ссылкой.

По милости царскаго правительства рабочіе отданы на грабежъ хозяевъ и произволъ властей связанными по рукамъ и ногамъ цѣпями безправія, лишенными главнѣйшихъ средствъ борьбы...

Достаточно небольшой заминки въ сбытѣ товара, чтобы фабрика или заводъ понизили заработную плату. Достаточно подняться въ цѣнѣ хлѣбу, мясу и проч., чтобы заработной платы, и безъ того не высокой, перестало хватать на прежніе расходы.

Какъ быть въ такихъ случаяхъ, какъ помѣшать фабриканту понизить плату, какъ добиться ея повышенія? Что можетъ сдѣлать отдѣльный рабочій? Ничего. Только сговорившись съ товарищами, только дѣйствуя сообща, рабочіе могутъ отстоять хотя сколько-нибудь свои интересы — могутъ пригрозить остановкой работы: единственное средство въ ихъ рукахъ противъ фабрикантовъ. Но попытайте сойтись на сходку, и полиція не замедлитъ разогнать ее. Попытайте остановить работу, устроить стачку и явятся войска для усмиренія. Законъ царскаго правительства *лишилъ рабочихъ права* думать и заботиться о своихъ интересахъ. Онъ обрекаетъ ихъ на полную кабалу фабрикантамъ; а если они не довольны—выставятъ противъ нихъ полицію и штыки „христолюбиваго", но братоубійственнаго воинства, поступятъ съ ними, какъ съ преступниками противъ государственнаго порядка. Больше того. Иногда фабрикантъ самъ останавливаетъ работы. Сотни и тысячи людей, „рабочихъ рукъ", съ женами и

дѣтьми выбрасываются на улицу жить, чѣмъ хотятъ, или вѣрнѣе, умирать, гдѣ придется. Никто не интересуется ихъ судьбой. Но пусть они сами вздумаютъ позаботиться о себѣ; пусть вздумаютъ рабочіе на случай болѣзни, стачки, безработицы, закрытія фабрики и проч. случайностей устроить свою взаимную помощь, устроятъ стачечную кассу... правительство арестуетъ ихъ деньги, какъ только узнаетъ о кассѣ... Рабочіе не только лишены права бороться съ капиталистами, защищаться отъ капиталиста — они лишены права заботиться о завтрашнемъ днѣ своемъ и своихъ дѣтей. Всѣ горожане-бѣдняки, всѣ рабочіе, самымъ своимъ рожденіемъ поставлены подъ особый надзоръ полиціи, лишены не только права участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, но и заботиться о своихъ интересахъ, о своихъ дѣтяхъ. Малѣйшая попытка самостоятельности ихъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ ихъ государственными преступниками, бунтовщиками, вызываетъ мѣры военнаго усмиренія... Я уже не говорю о томъ, что нашимъ рабочимъ запрещено добиваться уменьшенія рабочаго дня, устройство своихъ библіотекъ, союзовъ борьбы и проч.

Капиталисты имѣютъ право устраивать союзы, съѣзды. На этихъ съѣздахъ присутствуютъ министры и ихъ помощники. Союзъ фабрикантовъ самовольно устанавливаетъ цѣны на продукты (сахаръ, керосинъ) и опредѣляетъ, сколько казна, фабрикантъ могутъ вырабатывать и продавать товару, чтобы не сбить цѣны. Благодаря такимъ „правамъ" однихъ и „безправію" другихъ, русскій потребитель на всемъ переплачиваетъ втри-дорога противъ нѣмца и англичанина.

V.

Перейдемъ теперь къ другому разряду государственныхъ преступниковъ.

Народъ (трудящійся народъ)—государственный преступникъ, бунтовщикъ, но его нельзя назвать ни соціалистомъ, ни революціонеромъ. Крестьяне и рабочіе не

довольны своимъ положенiемъ, волнуются, протестуютъ, прогоняютъ сборщиковъ податей или устраиваютъ стачку, но они не имѣютъ постоянно одной цѣли, не ведутъ постоянной борьбы. Они бунтуютъ, когда имъ „нельзя жить“, а потомъ, послѣ усмиренiя или облегченiя опять засыпаютъ, примиряются съ положенiемъ,—думаютъ, что такъ и нужно. *Они далеко не всѣ знаютъ, какъ измѣнить теперешнiй государственный и общественный строй*, какой порядокъ можетъ и долженъ непремѣнно установиться на мѣсто теперешняго, *громадное большинство трудящихся еще не понимаетъ причины своего тяжелаго положенiя.* Только тѣ, кто понимаетъ настоящее положенiе, понимаетъ, къ чему нужно непремѣнно стремиться рабочему народу, кто постоянно будетъ бороться за это новое, лучшее положенiе трудящихся, только тотъ является не только государственнымъ преступникомъ, но и революцiонеромъ, а также и соцiалистомъ. Ихъ то, какъ людей все понимающихъ и могущихъ все объяснить рабочимъ и крестьянской бѣднотѣ, и боится особенно правительство, ихъ то оно и называетъ государственными преступниками, революцiонерами и старается иногда представить врагами народа. Чтобы яснѣе показать, кого правительство называетъ и называло революцiонерами и потомъ соцiалистами, я разскажу ихъ исторiю по возможности коротко, хотя начну издалека.

При Петрѣ I омъ, государѣ, преданномъ интересамъ всего государства,—крестьянинъ-землевладѣлецъ Посошковъ написалъ книгу: „О скудости и богатсвѣ“. Главную причину скудости онъ видѣлъ въ крѣпостномъ рабскомъ положенiи крестьянъ и говорилъ, что освобожденiя ихъ требуютъ государственные интересы. Рядомъ съ этимъ, по его мнѣнiю, необходимо было ограничить тунеядство дворянъ, изъ которыхъ многiе считались на службѣ, а на самомъ дѣлѣ не выѣзжали изъ имѣнiй. Книга была поднесена царю. Посошковъ и писалъ-то ее для правительства, а не для народа. Однако его, какъ государственнаго преступника, продержали

2 года въ тюрьмѣ за эту книгу. При Екатеринѣ II молодой дворянинъ Радищевъ пріѣхалъ послѣ ученія изъ заграницы и, насмотрѣвшись на жизнь крестьянъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, написалъ все, что видѣлъ, и издалъ книгой. Конечно, жизнь крѣпостныхъ не была легкой и Радищевъ то и дѣло возмущается тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ и произволомъ и жестокостью помѣщиковъ. Виною всему онъ считаетъ крѣпостное право. Екатерина приказала книгу сжечь, а самаго Радищева отправили въ ссылку, въ Березовъ, гдѣ онъ и пробылъ до воцаренія Александра I. Когда при Александрѣ I Радищевъ снова вздумалъ критиковать существующіе порядки—крѣпостное право, полицейскій произволъ, безотвѣтственность самого царя,—ему пригрозили снова ссылкой; но онъ предпочелъ кончить самоубійствомъ. При той же Екатеринѣ былъ почти замученъ въ тюрьмѣ Новиковъ. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ со своими друзьями осуждалъ крѣпостное право, былъ сторонникомъ свободы вѣры, печаталъ много книгъ для народа, а въ голодный годъ собиралъ и расходовалъ сотни тысячъ рублей на кормленіе голодающихъ. При Александрѣ I послѣ французской войны многіе офицеры (дворяне), побывавшіе во Франціи, задумали освободить крестьянъ и ограничить власть царя совѣтомъ выборныхъ отъ народа (парламентомъ). Они думали сначала просить объ этомъ царя и, если онъ не сдѣлаетъ этого добровольно, потребовать силой. Съ этой цѣлью составился большой тайный союзъ заговорщиковъ. Но Александръ I умеръ раньше, чѣмъ у заговорщиковъ все было готово. При вступленіи на престолъ новаго царя, Николая I, часть заговорщиковъ въ Петербургѣ, въ декабрѣ (отсюда названіе—„декабристы“) 1825 года, потребовала у Николая конституціи (ограниченія власти царя выборными отъ народа), участія народа въ государственномъ управленіи и свободы, а иначе они не хотѣли присягать. Въ ихъ власти находились два полка солдатъ, Семеновскій и Преображенскій, но заговорщики думали просто запугать Ни-

колая I и не стрѣляли въ него и даже не пытались арестовать его: они вѣрили, что царю дороги интересы народа и онъ не захочетъ смуты и крови. Но они жестоко ошиблись: ихъ разогнали картечью изъ пушекъ. 6 человѣкъ главныхъ руководителей заговора повѣсили*), болѣе 150 чел. сослали въ Сибирь въ рудники. Позже, въ 1849 г., въ Петербургѣ арестовали 26 такъ наз. Петрашевцевъ за то, что они сходились сообща читать сочиненія западныхъ соціалистовъ и обсуждали положеніе русскаго народа, крѣпостное право и другіе общественные вопросы. За это многіе поплатились каторгой. Между ними былъ и всѣмъ извѣстный писатель Ѳ. М. Достоевскій, сосланный на каторгу на 20 лѣтъ... И. С. Тургеневъ былъ высланъ изъ Петербурга въ свою деревню за книгу „Записки Охотника“ (Кто ее теперь не читалъ?). Въ ней онъ осмѣлился высказать мысль, что мужикъ—человѣкъ, что онъ, какъ и господа, а то и сильнѣе, чувствуетъ горе и радость, ненавидитъ и любитъ...

Такъ шло до освобожденія. И худые, и добрые цари, гнѣвные, вродѣ Петра I, мягкіе, какъ Александръ I, одинаково не терпѣли ничьихъ разсужденій о государственныхъ дѣлахъ, наказывали тюрьмой и ссылкой всякое напоминаніе, что главное зло русской жизни—крѣпостное право, произволъ помѣщика надъ крестьянами, произволъ царя во всей Россіи. Оно и понятно. Могло-ли нравиться большинству помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ, да еще съ землей и безплатно? Да вѣдь это былъ разоръ для нихъ. Могло-ли это нравиться царской семьѣ, которая жила и живетъ, какъ и всѣ помѣщики—трудомъ крестьянъ (удѣльныхъ, кабинетскихъ)? А, конечно, ближе всего каждому своя рубашка, забота о своей выгодѣ. Противниковъ крѣпостного права — дворянъ были единицы, а за него всѣ, начиная съ перваго дворянина (какъ называлъ себя Николай I), царя,

*) Русскому народу особенно необходимо помнить имя Пестеля (повѣш.), который стоялъ за освобожденіе крестьянъ землей безъ выкупа и управленіе Россіей черезъ выборныхъ отъ всего народа.

и кончая послѣднимъ владѣльцемъ одной „души". Не могло, конечно, нравиться царю и ограниченіе своей власти, его воли. Помѣщикамъ можно было жить и при самодержавіи—цари давали имъ много льготъ и полную волю надъ крестьянами—лишь бы они не касались самодержавія. Да ограниченіе произвола царя не было выгодно и самымъ приближеннымъ къ царю: съ учрежденіемъ собранія народныхъ выборныхъ, парламента, власть ихъ перешла бы въ руки этихъ выборныхъ, и имъ пришлось бы подчиняться законамъ, тогда какъ теперь они сами—цари. Интересы крѣпостного народа, съ одной стороны, и царя съ дворянствомъ, съ другой—были противоположны. Царь вмѣстѣ съ дворянствомъ и крѣпостной народъ поневолѣ были постоянными врагами другъ для друга; и, какъ всегда это бываетъ, сильный врагъ, подозрѣвая слабого въ стремленіи освободиться, все сильнѣй и сильнѣй, насколько хватало силъ, давилъ его: не переставая и гнали, и вѣшали сторонниковъ народа, измѣнниковъ дворянскому дѣлу.

Но пришла пора, когда прежнихъ силъ стало не хватать русскому правительству. Крымская война показала, что православное войско достаточно для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, но совсѣмъ не подъ силу ему бороться съ внѣшними врагами, вооруженными, конечно, не палками, какъ мужики, а оружіемъ далеко лучшимъ, чѣмъ русскія кремневыя ружья. Севастополь палъ, черноморскій флотъ уничтоженъ, значеніе Россіи уменьшилось, часть Бессарабіи перешла къ Турціи. Россіи грозило перейти въ разрядъ второстепенныхъ державъ. Этого русскому самодержцу не хотѣлось — тогда сосѣди будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла, тогда легко потерять Польшу. Для дома Романовыхъ, какъ и всякаго царствующаго дома, уменьшеніе числа подданныхъ не желательно. Необходимо было въ интересахъ государства увеличить количество войска, улучшить его составъ, провести дороги, поднять сколько-нибудь образованіе. Но на все нужны деньги. Откуда взять? Помѣщики не только заложили свои имѣнія, но и

переложили ихъ, государственные крестьяне и такъ разоряются отъ налоговъ, а помѣщичьи, т. е. половина Россіи и такъ обираются помѣщиками начисто. Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ сразу удваивало число плательщиковъ государству и почти удваивало легкость набора хорошихъ рекрутовъ (помѣщики ставили—кого хотѣли). У самихъ помѣщиковъ, особенно крупныхъ, платежи въ банки уносили такъ много доходовъ, что имъ приходилось круто. Освобожденіе крестьянъ за хорошую плату приходилось на руку и имъ.

Такъ у самого правительства явилась нужда въ освобожденіи. Затрудненіе было въ землѣ. Народные бунты ясно показывали, что народъ хочетъ не только воли, но и земли, и что освобожденіе безъ земли вызоветъ поголовное возстаніе крестьянъ.

Такъ создалось освобожденіе съ разными, большими и малыми надѣлами, но всегда за дорогую цѣну. Крупные помѣщики получили отъ казны выкупные, расплатились съ долгами и могли вновь вести жизнь дармоѣдовъ. Правительство получило новыхъ солдатъ *и плательщиковъ.* Мы видѣли, какія права получилъ народъ, крестьянство.

И такъ освобожденіе пришло. Оно было необходимо для увеличенія налоговъ и войска. Оно было выгодно крупнымъ землевладѣльцамъ для уплаты ихъ долговъ. Крестьянскіе бунты ясно говорили, что его усиленно добивается и будетъ добиваться народъ. Освободить стало необходимо, но вопросъ, „какъ освободить“?... Заставить народъ выкупать одну свободу, „волю“, не рѣшались. Такая продѣлка была бы для народа слишкомъ понятной и вызвала бы ихъ на борьбу противъ грабительскаго освобожденія. Поэтому нужно было сдѣлать то же самое, но въ другомъ видѣ. Затѣмъ освобожденіе безъ земли необходимо требовало свободы передвиженія въ города. Правительство и помѣщики боялись, что деревня опустѣетъ, многіе совершенно порвутъ ненавистную связь съ помѣщикомъ, хотя бы и въ качествѣ арендаторовъ, и уйдутъ искать счастья —

на сторону. Разовьется безпокойный, не имѣющій собственности, „недовольный своимъ положеніемъ" и собранный въ городахъ слой бѣдняковъ-пролетаріевъ, всегда готовыхъ предъявить не только просьбы, но и требованія на трудъ. А потомъ, какъ обезпечить съ этого бездомнаго бродячаго люда сборъ всевозможныхъ налоговъ, между прочимъ, и выкупныхъ платежей? Все это заставило правительство и дворянство найти средство прикрѣпить крестьянина къ мѣсту, какъ онъ былъ прикрѣпленъ къ нему до „воли", до освобожденія. Въ концѣ концовъ пришлось согласовать интересы государства и помѣщиковъ такъ, чтобы крестьянинъ по возможности не понялъ, въ чемъ состоитъ перемѣна, но истолковывалъ ее въ свою пользу.

Около двухъ третей крестьянъ получило надѣлъ, недостаточный для уплаты податей и пропитанія. Но эти крестьяне, разбросанные по всей Россіи, не могли видѣть истины и, во многихъ мѣстахъ считали, что ихъ нужда — временное дѣло, а потомъ будетъ лучше... Ничего нѣтъ удивительнаго, что народъ не понималъ, что за „воля" дана была ему: во все время совѣщанія правительственныхъ чиновниковъ въ Петербургѣ (Главнаго Комитета) и дворянскихъ комитетовъ по губерніямъ о крестьянскомъ дѣлѣ, объ освобожденіи запрещено было печатать что-либо для публики. Да къ тому же народъ и читать-то не умѣлъ. Нужно-ли говорить, что его-то нигдѣ и ни разу не спросили, согласенъ-ли онъ на освобожденіе на такихъ условіяхъ, или считаетъ ихъ тяжелыми и невыгодными. Его считали „собственностью" и отнеслись, какъ относится „хозяинъ" къ своей собственности, положимъ, къ своей скотинѣ,—лишь бы онъ не надѣлалъ бѣдъ, не взбунтовался. Самую реформу, выработку ея и окончательное принятіе въ томъ или другомъ видѣ, „царь-освободитель" (онъ-же „другъ дворянства") отдалъ въ руки *противниковъ освобожденія.* Такъ предсѣдателемъ „редакціонной комиссіи", гдѣ велась первоначальная разработка освобожденія, былъ графъ Панинъ—безусловный сторонникъ не только дворянства,

но и крѣпостничества. До него былъ предсѣдателемъ личный другъ государя, Ростовцевъ — сторонникъ освобожденія, но несомнѣнно другъ дворянъ и самъ дворянинъ-землевладѣлецъ. Предсѣдателемъ Главнаго Комитета былъ графъ Орловъ — крѣпостникъ, противникъ освобожденія... Нужно-ли прибавлять, что при окончательномъ утвержденіи размѣровъ надѣла крестьянъ, Александръ II самъ еще уменьшилъ ихъ, хотя надѣлъ уже былъ два раза уменьшенъ во время самой работы въ Комиссіи и въ Главномъ Комитетѣ. Выкупалась собственно, не земля, а души и всѣ лежавшія на нихъ крѣпостныя повинности. Поэтому, чѣмъ меньше былъ надѣлъ, тѣмъ дороже была оцѣнена каждая его десятина.

Круговая порука въ уплатѣ податей, обязательство брать паспорта на отлучку и увольнительные приговоры общества на переселеніе—все это дѣлало крестьянина крѣпкимъ землѣ, подчиненнымъ „міру", полиціи такъ же, какъ онъ раньше былъ подчиненъ помѣщику. Другъ царя, сторонникъ освобожденія, Я. Ростовцевъ прямо говорилъ: „Необходимо, чтобы крестьянинъ изъ рукъ помѣщика прямо перешелъ въ руки „міра" и администраціи, чтобы ни на одинъ шагъ онъ не почувствовалъ на себѣ ослабленія власти". Такъ и вышло. Понятно, кто былъ особенно доволенъ освобожденіемъ. Если помѣщики и были недовольны, то тѣмъ, что ихъ мѣсто занялъ чиновникъ: имъ хотѣлось деньги и выкупъ получить и старую власть сохранить. Все царствованіе Александра II и въ особенности—Александра III, прошло въ стараніи возвратить дворянству, помѣщикамъ ту самую власть надъ крестьянами, которую они потеряли при освобожденіи: введеніе земскихъ начальниковъ, уменьшеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ и правъ ихъ въ земствѣ есть не что иное, какъ попытки вернуть былую власть помѣщика.

Мѣстами народъ понялъ реформы и бунтовалъ, — не признавалъ такой „воли", которая даже его темному уму и неприхотливой жизни казалась плохой долей.

Дальнѣйшая исторія показала, что окончательное разореніе крестьянства неизбѣжно; въ то же время правительство въ интересахъ помѣщиковъ всѣми силами задерживаетъ переселенія и передвиженія ихъ съ одного мѣста на другое, даже на заработки, оно усиливаетъ, ускоряетъ разореніе простымъ варварскимъ способомъ сбора налоговъ и полной беззащитностью деревни отъ полиціи и землевладѣльца. Я уже говорилъ, къ какимъ результатамъ ведетъ эта политика — вся бѣднота деревни обращается въ „бунтовщиковъ“ и „государственныхъ преступниковъ“.

Могли-ли спокойно отнестись къ такому освобожденію тѣ истинные друзья народа изъ образованныхъ классовъ, тѣ измѣнившіе своему классу, сословію дворянъ, которые еще во времена крѣпостного права шли на каторгу и висѣлицу за дѣло освобожденія?—Конечно, нѣтъ! Однако, они понимали, что сами, одни, они ничего не подѣлаютъ, пока за свои интересы не будетъ стоять самъ народъ. И вотъ эти люди рѣшились идти къ обездоленному народу на проповѣдь борьбы за лучшую долю, за права, — идти въ деревню, лишенную правъ... Нужно-ли говорить, что правительству не понравилось это, что оно всѣми силами преслѣдовало и ловило этихъ проповѣдниковъ, какъ раньше преслѣдовало всѣхъ противниковъ крѣпостного права. Цѣлый рядъ людей былъ арестованъ въ 60-хъ годахъ только по однимъ подозрѣніямъ. Среди такихъ людей, противъ которыхъ правительство не имѣло совершенно никакихъ уликъ, а только считало ихъ своими противниками, былъ и Н. Г. Чернышевскій,—знаменитый писатель соціалистъ, особенно горячо отстаивавшій интересы рабочаго народа и любимый въ то время всѣми, кто сочувствовалъ народу, его свободѣ и просвѣщенію... Чернышевскій былъ сосланъ въ Сибирь и провелъ тамъ частью въ каторжной тюрьмѣ, а частью въ ссылкѣ въ Якутской области—20 лѣтъ.

Конечно, аресты никого не испугали. Движеніе образованной молодежи, студентовъ, въ народъ на про-

повѣдь народныхъ правъ и борьбы противъ гнета усиливалось, и въ 70-хъ годахъ правительство съ ужасомъ узнало, что эта проповѣдь ведется въ 17 губерніяхъ. Въ 1877-78 годахъ въ Петербургѣ сразу судили 193 человѣкъ „государственныхъ преступниковъ", обвинявшихся въ томъ, что они давали народу книги и говорили на сходахъ о правахъ народа, о необходимости борьбы бѣдняковъ съ богатыми, борьбы за права; говорили о другомъ устройствѣ общества, въ которомъ будутъ всѣ равны, не будетъ частной собственности, не будетъ бѣдныхъ... Тюрьма и каторга были приговоромъ осужденнымъ за проповѣдь народу свободы и лучшаго будущаго,—приговоромъ, который былъ составленъ ранѣе суда царскимъ министромъ.

Движеніе учащейся молодежи въ народъ напугало и правительство, и помѣщиковъ, и фабрикантовъ—всѣмъ нуженъ былъ кроткій и смирный народъ, работящій, какъ волъ, и тупой, какъ волъ; и вдругъ его хотятъ поднять на уровень мыслящаго человѣка, съ нимъ, какъ съ собратомъ, разсуждаютъ о его правахъ, его друзьяхъ и врагахъ... Всѣхъ привлеченныхъ по дѣлу 193-хъ подсудимыхъ было болѣе 1000 человѣкъ. Аресты были безпощадны: арестовывали по возможности всѣхъ знакомыхъ каждаго пропагандиста (проповѣдника). Но правительство попало мимо цѣли. Въ 1878-79 г. пропагандисты, уцѣлѣвшіе отъ арестовъ, съѣхались въ Липецкѣ, конечно, тайно. На съѣздъ явилось около 80 душъ. Здѣсь большинство рѣшило не ограничиваться одною пропагандою (проповѣдью) въ народѣ, такъ какъ народъ слишкомъ теменъ и плохо понимаетъ свои права, а правительство сильно слѣдитъ за пропагандой. На первый планъ поставили борьбу съ самимъ правительствомъ,— рѣшили *заставить* его не преслѣдовать, сдѣлать свободной пропаганду среди народа, не препятствовать просвѣщенію народа,—*заставить* призвать къ управленію страной выборныхъ отъ народа. Правительство хочетъ застращать насъ тюрьмой и каторгой —застращаемъ же мы его „смертью". Такъ было рѣ-

шено убійство царя. Это считали средствомъ заставить правительство отдать свою власть народу.

Мы знаемъ, что эти борцы за „народную волю" добились одного: царь, Александръ II, былъ убитъ, но... все осталось по старому... Въ чемъ же причина? — Да въ томъ, что правительство и царь есть лишь одно изъ звеньевъ *другого правительства*, которое состоитъ изъ всѣхъ господствующихъ классовъ,—правда, звено очень важное, но все-таки только звено. Нужно уничтожить господство и власть помѣщиковъ, землевладѣльцевъ въ деревнѣ, власть капиталистовъ въ городѣ и промышленныхъ мѣстностяхъ, чтобы достичь цѣли—улучшить положеніе трудящихся. Кто же можетъ побѣдить эти два союзные и сильные класса — землевладѣльцевъ и капиталистовъ, опирающихся на правительство съ огромнымъ числомъ чиновниковъ, шпіоновъ, войска и проч.? Только рабочій народъ — классъ болѣе сильный и многочисленный, чѣмъ эти оба вмѣстѣ со всѣмъ ихъ воинствомъ. Былъ-ли тогда, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, у насъ такой классъ? — И да, и нѣтъ. Конечно, былъ, такъ какъ громадное большинство крестьянства есть люди труда, но и не было его, такъ какъ это самое крестьянство тянуло въ разныя стороны — оно до послѣдняго безлошаднаго мечтало обзавестись собственными лошадьми и землицей и вести свое хозяйство, какъ „справный" крестьянинъ, а при случаѣ даже нанять къ себѣ въ работники болѣе слабаго сосѣда; т. е. въ концѣ концовъ каждый крестьянинъ мечталъ сдѣлаться настоящимъ собственникомъ, владѣльцемъ вѣчной земли и эксплуататоромъ своего же брата—наймита. Крестьянинъ въ то время не потерялъ еще надежды быть такимъ же „хозяиномъ", хотя и болѣе скромнымъ и бѣднымъ, но все же „хозяиномъ", какъ и землевладѣлецъ, какъ помѣщикъ, какъ кулакъ.

Это стремленіе крестьянства къ землѣ, къ *своему* хозяйству отразилось и на задачахъ его образованныхъ друзей, борцовъ за его „землю и волю", проповѣдниковъ необходимости „чернаго передѣла". Оно и понятно.

„Народомъ“, трудящейся массой, въ то время было крестьянство и мечты объ улучшеніи положенія трудящихся относилось главнымъ образомъ къ крестьянству. Даже фабричные и заводскіе рабочіе „тянули къ землѣ“, не порывали съ ней связи. Конечно, друзья народа понимали, что даже „черный передѣлъ“, раздѣлъ всей земли, въ томъ числѣ и помѣщичьей, между трудящимися не избавитъ ихъ отъ нищеты и бѣдности. Они провозгласили какъ цѣль, что земля принадлежитъ тому, кто ее обрабатываетъ самъ и въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ можетъ обработать. Но они понимали, что это крестьянское хозяйство на клочкахъ приведетъ въ концѣ концовъ къ одному—къ всеобщей нищетѣ. Это не могло быть цѣлью сознательныхъ революціонеровъ. Они понимали, что только соціалистическое устройство избавитъ міръ отъ нищеты и взаимной борьбы, но какъ произойдетъ это новое устройство общества они представляли себѣ неясно, ошибочно. Ихъ ошибка заключалась въ сильной вѣрѣ въ *народное сознаніе.* Они думали, что народъ самъ и особенно подъ вліяніемъ проповѣди легко пойметъ, что выгоднѣе и справедливѣе вести хозяйство сообща, артелью обрабатывать большіе участки при помощи машинъ и другихъ улучшеній, чѣмъ на отдѣльныхъ клочкахъ допотопной сохой. Ошибались и тѣ изъ нихъ, которые, оставляя въ сторонѣ трудящуюся массу, надѣялись на свои единичныя силы, вѣрили, что они сами, одни „запугаютъ“ правительство и особенно, что на ихъ сторонѣ станетъ не только народъ, которому тяжело живется, но и лучшая часть состоятельныхъ классовъ... Эти проповѣдники „чернаго передѣла“ и „земли и воли“, борцы за народную волю искренно и всей душой были преданы народному дѣлу. Они ясно сознавали, что идутъ на страданія и даже смерть и шли смѣло. Это были герои и мученики за народное счастье. Мы, рабочіе, тѣмъ болѣе должны относиться къ нимъ съ благоговѣйной признательностью, что это были, особенно вначалѣ, дѣти нашихъ враговъ — дѣти,

крѣпостниковъ-дворянъ, кулаковъ, чиновниковъ, что они въ борьбѣ за права и счастье трудящихся, теряли все, что давала имъ жизнь, получая одни страданія... Дочь министра Перовская, богатый помѣщикъ Лизогубъ, судья Войнаральскій шли по одному пути и часто рука объ руку съ сыномъ богатаго крестьянина Желябовымъ, сыномъ попа Кибальчичемъ, рабочимъ Михайловымъ. Мы, сознающіе интересы своего класса, рабочіе, будемъ вѣрны ихъ памяти тѣмъ, что всегда и всюду, не покладая рукъ, будемъ бороться за улучшеніе положенія труда. Мы оправдаемъ надежду тѣхъ изъ нихъ, кто вѣрилъ, что только сама трудящаяся масса улучшитъ свое положеніе путемъ борьбы. Но мы не повторимъ ихъ ошибки. Мы не замкнемся въ группы заговорщиковъ, мы свои силы направимъ на привлеченіе *всѣхъ* силъ рабочихъ... Да мы и не можемъ иначе. Будь мы работниками физическаго или умственнаго труда, мы вынуждены считаться съ современными условіями положенія труда, съ направленіемъ развитія отношеній труда и капитала, хозяина и работника, съ отношеніемъ крестьянина къ его землѣ; мы не можемъ не бороться, мало того, мы принуждены бороться *извѣстнымъ образомъ*—именно тѣмъ, а не другимъ—за тѣ, а не за другіе интересы.

Остался-ли крестьянинъ и теперь такимъ же мечтателемъ о „своей" землицѣ, какимъ онъ былъ въ 60-ые и 70-ые годы?—Нѣтъ. Мы знаемъ по статистическимъ изслѣдованіямъ, что въ среднемъ по Россіи около 30% дворовъ вовсе не имѣютъ лошадей, что число ихъ изъ года въ годъ растетъ, что эти безлошадные все больше и больше бѣгутъ въ города, бросая землю и всѣ мечтанія о ней. Въ промышленныхъ мѣстностяхъ число такихъ „обезхозяившихся" доходитъ до половины всѣхъ дворовъ. Послѣдняя перепись показала, что деревня пустѣетъ, а растутъ города и фабричныя мѣстности. Все это означаетъ, что надежда на землю и свое хозяйство, если не у всѣхъ, то у очень, очень многихъ крестьянъ потеряна навсегда. Наиболѣе упорные меч-

татели бѣгутъ въ Сибирь, чтобы разорившись и переморивъ дѣтей въ пути, попасть въ руки кулака „старожила“ и капиталиста не на старомъ малоземельномъ клочкѣ, а на сибирскомъ просторѣ... Въ самой деревнѣ рознь между богатыми и бѣдными ростетъ. Одинъ прикупаетъ все больше и больше „вѣчности“, выкупаетъ свой надѣлъ, арендуетъ надѣлы сосѣдей, другой чаще и чаще „сдаетъ“ за подати или клочками въ 3-5 руб. свои души, иногда съ тѣмъ, чтобы снять потомъ клочекъ въ три-дорога. У однихъ появляются лошади заводской цѣнной природы, развивается вкусъ къ лошадями въ 2-3-5 сотъ рублей, разводятся свиньи по 30-40 руб. за штуку, появляются машины, у другихъ исчезаетъ послѣдняя кляча, имъ трудно справить телѣгу, сбрую, не говоря уже о замѣнѣ сохи плугомъ и проч.

Каждый усердный исправникъ (исполнитель начальственныхъ предписаній: „взимать безъ послабленія“), каждый сборщикъ податей — всѣ старательно усиливаютъ ростъ богатства одного и нищеты другого, увеличиваютъ пропасть между ними, разрушаютъ упорство бѣдняка въ его привязанности къ землѣ, все сильнѣе и сильнѣе побуждаютъ его „сняться“ съ мѣста, „бросить все“, перестать „биться“ и идти искать счастья на сторонѣ, стать просто работникомъ, не обманывая ни себя, ни другихъ кличкой „собственника“. Есть у нѣкоторыхъ исходъ—наемъ въ аренду—„исполу“ и за „отработки“—клочка земли у помѣщика. Но кто же изъ крестьянъ не смотритъ на эту исполщину и отработки, какъ на новую крѣпостную кабалу!

Такъ изъ году въ годъ растетъ число явныхъ и скрытыхъ подъ кличкой „собственника“ рабочихъ-наймитовъ. Интересы рабочаго ясны. Они прямо противоположны интересамъ хозяина. Средство жизни его одно—заработная плата за трудъ. Отсюда ясна его ближайшая цѣль: *право на трудъ и хорошую плату*. Это одинаково относится и къ работнику на фабрикѣ и заводѣ, и къ работнику-земледѣльцу у крестьянина или помѣщика, и къ работнику у купца—рабочему и при-

кащику, и къ работнику у земства и правительства—писцу, доктору, мелкому чиновнику, учителю: всѣ они заинтересованы въ одномъ—чтобы всегда была у нихъ работа и чтобы работа эта хорошо оплачивалась. Это всѣмъ ясно, а кто бы не понималъ этого, того хозяинъ, кто бы онъ ни былъ, заставитъ понять на горькомъ опытѣ—пониженіемъ платы, выговоромъ ни за что, ни про что, разсчетомъ за непочтительность и т. д.

Но какъ увеличить спросъ на трудъ? — Отвѣтъ ясенъ: когда работники уменьшатъ число часовъ своей ежедневной работы, когда не будутъ работать дѣти, прекратятся ночныя работы, тогда для прежней выработки, при тѣхъ же орудіяхъ труда, потребуется больше рабочихъ. Это такъ ясно, что понятно каждому. А какъ повысить плату? —Да тоже сокращеніемъ предложенія труда (запрещеніемъ работы дѣтей, уменьшеніемъ рабочаго дня и проч.): постоянное расширеніе производства, а слѣдовательно и спроса на трудъ — дадутъ въ результатѣ подъемъ платы. И это слишкомъ простая механика, чтобы затрудниться понять ее.

Однако, кто же не понимаетъ, что ни одинъ хозяинъ не будетъ вести дѣла въ ущербъ себѣ? Кто не понимаетъ, что разсчитывать на добродушіе и заботливость хозяина о своихъ рабочихъ глупо? Разъ интересы хозяевъ и рабочихъ противоположны, дѣло рѣшается *борьбой*. Возьмутъ верхъ рабочіе—они предпишутъ хозяину и плату, и продолжительность рабочаго дня, и избавятъ отъ непосильнаго труда своихъ дѣтей и женщинъ... Возьмутъ верхъ хозяева, они предпишутъ всѣ условія, высосутъ изъ рабочаго все, что можно, и исковерканнаго, изломаннаго, негоднаго ни къ какому труду—выбросятъ какъ выжатый лимонъ... Таковы условія борьбы.

Работники! Скажите, многимъ-ли отличается ваше положеніе отъ общаго правила, которое я только что высказалъ?..—Немного... Васъ выбрасываютъ не только, когда вы негодны, но и когда вы ненужны, когда сокращается выработка. Къ чему вамъ тогда ваши здо-

ровыя руки, вашъ сильный организмъ, требующій труда и... пищи!.. Больному даютъ милостыню; ему самому не стыдно просить—онъ поработалъ на вѣку своемъ... А вы, здоровые, сильные, съ какимъ стыдомъ, позоромъ протянете вы руку... Да и кто вамъ подастъ? Кто накормитъ сотни, а можетъ быть, и тысячи сразу выброшенныхъ на улицу рабочихъ? Никто. Кто позаботится о васъ? Не правительство-ли? О, оно позаботится... о „соблюденіи тишины и спокойствія", хотя бы для этого и понадобилось стрѣлять въ безоруженныхъ рабочихъ... *Рабочіе вынуждены надѣяться только на самихъ себя.* Но чтобы быть силой, необходимо всѣмъ рабочимъ дѣйствовать заодно, *соединяться*, и чѣмъ шире этотъ союзъ, чѣмъ тѣснѣе въ немъ будутъ идти рука объ руку работники физическаго и умственнаго труда, тѣмъ грознѣе будетъ ихъ союзъ для враговъ—хозяевъ, тѣмъ слабѣе будетъ надежда нашихъ враговъ на услужливое правительство.

Работники! Кто, какъ не наши братья составляютъ главную опору нашихъ враговъ—составляютъ войско?.. Наша вѣра въ неизбѣжный ростъ и силу рабочаго класса основана на собственныхъ интересахъ работниковъ и на противоположныхъ интересахъ ихъ враговъ: интересы тѣхъ и другихъ бросаютъ рабочихъ въ объятія другъ къ другу. Нужда гонитъ работника въ союзъ съ работниками. Но мы, ясно сознавшіе интересы класа трудящихся, не можемъ ждать, пока одна нужда сплотитъ рабочихъ, прояснитъ ихъ массовое сознаніе, мы сами поможемъ нуждѣ въ ея работѣ просвѣтительной и организаторской дѣятельностью; всегда и всюду мы будемъ проповѣдывать и доказывать нашимъ братьямъ, что только въ братскомъ союзѣ труда спасенье работника, что только борьба сомкнутыми рядами противъ нашихъ враговъ дастъ намъ побѣду и лучшее положеніе...

Знаемъ-ли мы свое будущее, знаемъ-ли за что боремся? Къ чему ведетъ повышеніе платы работнику и сокращеніе его рабочаго дня? Къ уменьшенію выгоды хо-

зяина, къ уменьшенію его доли и увеличенію нашей. Конецъ борьбы настанетъ тогда, когда рабочій народъ завоюетъ себѣ политическую власть, господствующее положеніе въ странѣ и сдѣлаетъ орудія труда и средства производства собственностью всего народа, а не отдѣльныхъ фабрикантовъ и промышленниковъ. Что же измѣнится? Одно: отъ фабрикъ и земли будутъ отброшены кровопійцы народа—владѣльцы капиталовъ и земельныхъ богатствъ. Самое производство останется такимъ же крупнымъ, какъ теперь, но орудія труда будутъ общественной (соціальной) собственностью — мы будемъ на порогѣ къ соціалистическому устройству труда...

Вы сами понимаете, что для пропаганды необходимы собранія, печать, союзы съ денежными взносами. А для борьбы — стачки. Вы знаете, что все это намъ запрещено. За это намъ грозитъ тюрьма, ссылка... Что же... Если не тюрьма, такъ гибель отъ нищеты, эксплуатаціи хозяина... Выборъ не великъ: или умереть измореннымъ рабомъ во время безработицы, или погибнуть, вѣрнѣе, израсходовать свои силы въ борьбѣ за свое и общее для всѣхъ трудящихся лучшее будущее... Работники! Если вы не захотите сознательно примкнуть къ этой борьбѣ, не захотите стать постоянными членами нашего союза, то *нужда* все-таки заставить васъ бороться, вступать въ стачки, идти на преступленія и въ тюрьму... Не пойдете сознательно съ гордо поднятой головой, какъ борцы за права рабочаго класса, то пойдете, какъ неосмысленные разрушители и убійцы въ моментъ раздраженія при вынужденной хозяевами стачкѣ или какъ уголовные преступники—воры или нищіе во время безработицы. Выбирайте!.. Да, правительство противъ насъ, но мы борьбой отвоюемъ у него право свободныхъ собраній, союзовъ труда, стачекъ противъ хозяевъ. Вы понимаете, что правительство лишь тогда будетъ держать нашу сторону въ ботьбѣ противъ хозяевъ, только тогда будетъ свобода, когда правительство будетъ нашимъ, когда въ немъ будутъ наши выборные. И чѣмъ ихъ

будетъ больше, тѣмъ больше будетъ свободы. Наша цѣль въ этомъ отношеніи — поставить правительство рабочихъ, правительство труда на мѣсто современнаго правительства капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Таковъ нашъ путь, таковы наши цѣли. Мы сознаемъ не только настоящее, но и ближайшее будущее и потому мы не только государственные преступники (какъ недовольные настоящимъ), но и революціонеры (мы измѣняемъ настоящее борьбой) и соціалисты (нашъ идеалъ— общественная соціалистическая организація труда).

Мы громко призываемъ рабочихъ:

Работники, соединяйтесь!!!

Цѣна 30 сант.

Складъ изданій при типографіи: Genève, chemin de la Cluse, № 7